

Наняв рикшу, ребята втроём объехали все места, которые интересовали Гоуданя и Ван Сюаня и куда только мог водить их Сяо Цянь. Лишь когда солнце почти коснулось горизонта, утомлённые, но преисполненные впечатлений парни вернулись в гостевой дом.

После скромного ужина навалились невесёлые думы. Ещё недавно в родных краях они мнили себя чуть ли не богачами, но здесь, на юге, быстро осознали: сбережения в их карманах — сущие крохи. Брось их в местный водоворот жизни — и ряби не пойдёт. Это отрезвляющее открытие заставило обоих прийти к единодушному выводу: теперь придётся экономить на всём, на чём только возможно.

— Цены-то растут, — вздохнул Ван Сюань. — Дома это не так заметно, а вот в дороге сразу по карману бьёт. Представь, когда мы соберёмся в столицу поступать... Обучение, жильё, еда, билеты туда и обратно — сколько же на всё это уйдёт? Как подумаю, так на душе беспокойно становится.

Гоудань тоже понимал, что мир за пределами их деревни устроен куда сложнее, чем они воображали, но уступать обстоятельствам не привык.

— А чего бояться? — возразил он. — Если нам дорого, то и другим не дешевле. Все в равных условиях. Мы ведь давно копить начали. Пусть дело шло со скрипом, зато сейчас, если всё толково рассчитать, сможем неплохо подняться. Если повезёт, за эти летние каникулы обернёмся туда-обратно дважды. А потом будем приезжать каждую зиму и лето. Впереди ещё два года старшей школы — не верю я, что мы за это время не сумеем утроить, а то и вчетверо увеличить наши запасы.

— Но какой товар брать? — усомнился Ван Сюань. — На ценные вещи средств не хватит, много не закупим. А со всякой грошовой мелочью возиться — намучаемся распродавать.

В их родной провинции спекуляция хоть и не каралась беспощадно, но и не поощрялась. За перепродажу промышленных товаров по-прежнему могли привлечь к ответственности — свободно торговать разрешалось разве что излишками с собственного огорода.

Гоудань придвинул к себе тетрадь и карандаш. Он принялся набрасывать всё, что они успели подметить за день, а Ван Сюань устроился рядом, то и дело внося ценные поправки и помогая систематизировать наблюдения.

— Ради безопасности лучше сосредоточиться на вещах первой необходимости. Скажем, на одежде или еде... — рассуждал Гоудань. — Продукты сразу отменяем — быстро испортятся. Начнём с одежды. Сяо Цянь сегодня подсказал, что пуговицы, молнии, иголки да нитки стоят здесь сущие копейки.

К тому же оптовики уверяли: при крупном заказе всю эту швейную галантерею часто отдают в нагрузку, почти даром.

— Ещё обувь, — продолжил он. — На неё спрос всегда ломовой. А вот с готовой одеждой угадать трудно, вкусы у всех разные. Может, возьмём обычные рубашки? Сяо Цянь рассказывал, что здешние артели шьют отличные сорочки из дицюэляна. Качественные вещи тут стоят в разы дешевле, чем у нас, а если договориться насчёт уценённого брака с мелкими дефектами, то накрутка выйдет просто сказочная.

— Завтра ещё осмотримся, — подытожил Гоудань, откладывая карандаш. — Народу здесь крутится прорва, ушлых ребят хватает. Наверняка встретим перекупщиков из других провинций. Подглядим, как они дела ведут, у знающих людей всегда есть чему поучиться.

Он небрежно отбросил тетрадь, но Ван Сюань тут же аккуратно прибрал её на край стола.

Они улеглись на узкую кровать, потеснившись. Закинув руки за голову, Гоудань задумчиво уставился в потолок.

— Вообще-то, прибыльнее всего было бы вложиться в землю, — негромко заговорил он. — Да только куда нам... О таких деньгах и мечтать нечего. А даже если бы они у нас и водились — кто нам позволит? Нас туда и близко не подпустят, рылом не вышли.

— Со временем сюда хлынут толпы, — согласился его друг. — Человек ведь всегда ищет, где лучше.

Люди в этом отношении мало отличались от диких зверей: те кочевали по пятам за водопоями и сочной травой, а человек стремился туда, где сытнее и привольнее. Рыба ищет где глубже, а человек — где лучше.

Раньше у деревенских не было никакой возможности вырваться из своей глуши — пресловутая прописка намертво привязывала к родной земле. Если в семье подрастала смазливая девчонка, родители из кожи вон лезли, чтобы пристроить её замуж в город. Только так она могла рассчитывать на сытую жизнь, а если повезёт — то и родственникам подсобить. Гоудань не раз видел, как в деревнях всей роднёй тянули одного счастливчика, помогая ему выбиться в рабочие и получить заветную «железную чашку риса». Такой баловень судьбы потом отдавал родителям большую часть жалованья, а своих племянников подчас опекал усерднее, чем родных детей. Стоило одному встать на ноги, как на его плечи ложилась забота обо всём клане.

Но здесь, в Особой зоне, всё стремительно менялось. Будущее сулило невиданный расцвет, а значит, и наплыв людей. Где толпа — там и спрос: земля и жильё взлетят в цене. Газеты вовсю трубили слова партийного руководства: Особая зона требует особых правил, старые государственные лекала тут не годятся. Намёк прозрачный — думайте смело, дерзайте, и пока ваши дела не нарушают закон и крутят шестерни экономики, вам открыты все дороги. Рано или поздно сюда устремятся миллионы. Кто успел, тот и съел. Гоудань чувствовал, как внутри закипает лихорадочный азарт, но вовремя одёргивал себя — прыгать выше головы сейчас было смертельно опасно.

От этих перспектив захватывало дух. Всего за пару лет здесь выросли целые кварталы, повсюду

тянулись к небу строительные леса, жизнь была ключом. Контраст с их глухой деревней, где за десять лет не менялось ровным счётом ничего, наглядно показывал, за кем будущее.

Ополоснувшись прохладной водой, Гоудань остался в одних трусах. Крепкий, ладно сложенный парень с рельефными мышцами так и пышал молодой силой. В этом юном теле зрели дерзкие амбиции и безудержная жажда покорить мир.

Ребята долго ещё шептались, уткнувшись макушками друг в друга, обсуждая планы на завтра, пока сон окончательно не сморил обоих.

С первыми лучами солнца они разом открыли глаза. Никакой привычки чутко спать на новом месте у деревенских парней не было — оба спали крепко, без сновидений. Поскольку размяться и потренироваться в гостевом доме было негде, они не спешили подниматься, лениво нежась под простынёй, пока утренняя нужда не заставила их зашевелиться.

За окном вовсю полыхал погожий летний день — в это время года рассветало рано.

Ван Сюань лениво приоткрыл глаза и хмыкнул, глядя, как Гоудань приподнимается на локтях. Утренняя эрекция у того стояла каменным столбом, заметно оттопыривая тонкую ткань трусов, и забавно подрагивала при каждом движении. Гоудань попытался натянуть штаны, но упрямый бугор только мешал.

— Шевелись давай, — прыснул Ван Сюань, беззлобно подначивая друга. — А то не донесёшь до толчка, конфуз выйдет.

Гоудань в ответ лишь ухмыльнулся и сощурился, бросив на него лукавый взгляд:

— Ой, кто бы говорил! У самого-то небось тоже палатка натянулась. Думаешь, под одеялом спрятался, так я ничего не заметил? Я ведь проснулся раньше и почувствовал, как кое-кто ко мне боком прижался и вовсю об бедро тёрся. Молчал просто, будить тебя не хотел. Колись, небось сон сладкий приснился, а?

— Мели, Емеля! — вспыхнул Ван Сюань, мгновенно залившись краской до самых ушей. — Спал я без задних ног, откуда мне знать, кто там и обо что тёрся! Это ты вечно ко мне прижимаешься так, что твой прибор мне прямо в бок упирается.

Обоим парням по китайскому счёту шли девятнадцатый и восемнадцатый годы — самое время, когда молодая кровь бурлит, не давая покоя ни днём, ни ночью. Ван Сюань, хоть и казался худощавым, ростом обделён не был, а уж Гоудань и вовсе вырос настоящим богатырём. Поначалу, когда утренние «палатки» под одеялом только начали досаждать им после пробуждения, ребята жутко смущались и не знали, куда девать глаза, но со временем привыкли и перестали делать из этого тайну.

Благо в школьном общежитии старшие ребята быстро просветили их по этой части. Особой науки в тех разговорах, конечно, не было — обычная пацанская болтовня перед сном. Спорили, кто дальше струёй добьёт, или втихаря мерились достоинством — словом, дурачились как могли.

Всё это воспринималось как шутка, но именно тогда у них сложилось смутное представление о взрослении. Они поняли, что в определённом возрасте тело начинает стремительно меняться: пробиваются жёсткие волоски в паху, набухает и тяжелеет мужское естество, а ночные поллюции знаменуют окончательное прощание с детством.

По утрам в дортуаре парни то и дело обменивались колкостями, тыча пальцами в чужие выпирающие трусы, а те, кто посмелее, уже всю шептались о девчонках.

Гоудань с А-Сюанем в такие споры никогда не совались — лишь молча слушали краем уха. Да и что они могли сказать? О женском поле они не знали ровным счётом ничего. Судьба распорядилась так, что они с малых лет росли без материнской ласки, да и близких родственников у них толком не водилось.

В их представлении девчонки отличались от парней лишь сухой строчкой в анкетах, и никакого особого любопытства к ним ребята не испытывали. Пока сверстники взахлёб смаковали, у кого из одноклассниц грудь побольше налилась, у кого личико миловиднее или бёдра круче, эти двое лишь недоумённо переглядывались. Они попросту никогда не обращали внимания на подобные глупости.

Как-то раз школа устроила выезд на посадку деревьев. Посреди дня небо разверзлось нещадным ливнем. Зонтов ни у кого не оказалось, вымокли все до нитки. Девчонкам пришлось особенно несладко: дешёвые летние блузки от частых стирок истончились до предела и теперь липли к телу мокрой плёнкой. Сквозь полупрозрачную ткань просвечивало всё убогое бельё — у кого простенькая майка с блёклым узором, у кого застиранный лифчик со следами штопки. Большинство парней хоть и делали вид, будто смотрят под ноги, но глаза у них лихорадочно блестели, а на разгорячённых лицах читалось глупое, жадное возбуждение.

Для выпускного класса третьей ступени это испытание оказалось настоящей пыткой. Кому-то едва исполнилось пятнадцать, а иные переростки, пошедшие в школу с опозданием, уже разменяли третий десяток. В эти годы плоть давно заявила о себе, и все прекрасно понимали, что к чему, отчего неловкость так и висела в воздухе.

В итоге физрук быстро сориентировался и построил парней плотной коробкой впереди, соорудив живой щит от чужих нескромных глаз, а классная руководительница увела пристыженных девчонок в хвост колонны. К счастью, гроза быстро умчалась, уступив место жаркому солнцу, под которым одежда мигом высохла. Однако невидимая черта между мальчиками и девочками с того дня пролегла окончательно.

Прежняя беззаботная дружба, когда все носились гурьбой без оглядки на пол, сошла на нет. Теперь совместные затеи устраивали неохотно. Каждое слово, каждый жест сделались

натянутыми. Девчонки-выпускницы наотрез отказались от прыгалок и прочих подвижных игр — округлившаяся девичья грудь при прыжках ходила ходуном, и ловить на себе сальные взгляды парней им казалось невыносимым позором.

Поэтому никто в деревне не удивлялся, если вчерашние школьники сразу после выпуска играли свадьбу — по местным меркам они уже считались вполне созревшими для семейной жизни людьми.

Уборная располагалась в самом конце общего коридора, так что разгуливать в одних трусах не полагалось. Гоудань накинул штаны, оставив торс голым — для деревенского парня дело привычное, — и отправился облегчиться. Сделав дело и дождавшись, пока утреннее напряжение в паху спадёт, он подошёл к умывальнику.

Включая кран, Гоудань в очередной раз подивился городскому чуду. Самотечная вода — надо же! Дома-то приходилось таскать тяжёлые вёдра на коромысле от самого въезда в Сикань, где у старого колодца вечно толпился народ. Ключ там бил знатный, чистый, но сколько сил уходило на эту ежедневную каторгу!

В мутном зеркале над раковиной отразилась его загорелая физиономия. Гоудань провёл пальцами по верхней губе, разглядывая пробивающуюся тёмную поросль. Для настоящих усов она была ещё слишком мягкой и редкой, но для обычного детского пушка — уже чересчур жёсткой.

Когда он вернулся в комнату, А-Сюань уже успел полностью одеться. Стоило Гоуданю переступить порог, как на его лице заиграла шkodливая улыбка. Он резко подался вперёд и попытался шутливо ухватить друга пониже живота. Тот среагировал мгновенно и увернулся, но Гоудань, с детства изнурявший себя тренировками, превосходил его в ловкости. Завязалась короткая шутливая потасовка, и уже через секунду Ван Сюань оказался зажат в тиски. Поняв, что силой верх не взять, он поднял руки:

— Сдаюсь, сдаюсь! Пусти!

— А ну колись, — ухмыльнулся Гоудань, ослабляя хватку, но всё ещё удерживая его за плечи. — Ты ведь даже до ветру не ходил, а палатка твоя уже свернулась. Как это у тебя так быстро получается?

— Да ничего у меня и не вставало! — упрямо буркнул Ван Сюань, вскинув подбородок и отводя взгляд.

— Ага, рассказывай сказки, — хмыкнул Гоудань. Разве могло его собственное бедро соврать? Полусонное прикосновение врезалось в память слишком отчётливо. Впрочем, развивать тему он не стал, пожалев чужую стыдливость, и просто потянулся за своей зубной щёткой. Поступление в уездную школу принесло им не только книжные знания, но и полезные городские привычки — вроде ежедневной чистки зубов.

Ван Сюань предпочёл тактично промолчать. Подхватив стакан и пасту, он поспешил выскочить в коридор. Радовало, что в этот ранний час у раковин никого не было, да и в уборной пока не успел скопиться удушливый дневной смрад. Быстро умывшись и приведя себя в порядок, он вернулся в комнату — Гоудань к тому времени уже закончил свои процедуры и всю складывал вещи.

<http://bllate.org/book/19654/1996757>